

LEVEL ONE

Русская литература

Егор Сартаков

БОМБОРА™

Москва 2020

Вступление: Что делает русскую литературу великой

«Великая русская литература» — это бренд, который известен во всем мире. Произведения Толстого, Достоевского, Чехова любят в разных странах, их книги традиционно находятся в списках бестселлеров. Попробуем разобраться, в чем уникальность русской литературы, почему она привлекает западного читателя и на что нам самим стоило бы обратить внимание. А также кто первый привнес в нее эти уникальные черты. (Кто-кто... Пушкин!)

Если у образованного европейца или американца спросить, что он знает о русской культуре, обычно назовут два явления: великая русская литература и великий русский балет. Недав-

но к ним добавилось третье явление русской культуры, любимое во всем мире, — мультфильм «Маша и медведь». Но из этой тройки русская литература все равно остается на первом месте.

Не всякая национальная литература выходит за рамки своего языка, становясь частью мировой культуры. Лирику Тараса Шевченко читают только на Украине (специалисты-шевченковеды не в счет), повести Стевана Сремаца, которого еще при жизни называли «сербским Гоголем», читают только на Балканах. А произведения Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова читают по всему миру. Эти писатели стоят

в одном ряду с Гомером, Данте и Шекспиром.

В голливудских фильмах героев-интеллектуалов часто показывают с романом Достоевского или Толстого в руках. Кэрри Брэдшоу из сериала «Секс в большом городе» обсуждает с русским художником «Анну Каренину», а главный герой драмы Вуди Аллена «Иррациональный человек» задумывает убийство, вдохновившись «Преступлением и наказанием». В 2009 году американская телезвезда Опра Уинфри в собственном шоу прорекламировала «Анну Каренину», после чего роман Толстого стали продавать на кассах чуть ли не всех супермаркетов США. В 2016 году корпорация BBC выпустила мини-сериал «Война и мир», который стал самым дорогим проектом британского телевидения и побил все рейтинги, идя в прайм-тайм.

Нравственный идеал

В чем же феномен русской литературы, ее национальное своеобразие? Чем она так

привлекательна для зарубежного читателя? Лучше всех, кажется, ответ сформулировал немецкий писатель Томас Манн, однажды назвавший русскую литературу святой.

Разве русский — не наиболее человечный из людей? Разве его литература не наиболее всех гуманна — святая в своей человечности? (Томас Манн, «Русская антология», 1921 год)

Эти слова о «святости» русской литературы из уст немецкого автора легко объяснить. Русская литература в своих лучших произведениях предлагает читателю такой нравственный идеал героя, до которого можно идти всю жизнь — и все равно не дойдешь. Тяжело быть столь же непримиримым и безапелляционным как Базаров. Трудно всю жизнь настойчиво искать истину как Болконский. Даже внутренняя сила Печорина и нравственная борьба Раскольникова с самим собой вызывают восхищение.

Причины, по которым русская литература предлагает высокий нравственный идеал героя, нужно искать в *национальной религии*. Про американскую культуру говорят, что она прежде всего фрейдистская, а уже потом американская. Так и про русскую культуру можно сказать, что она прежде всего православная, а уже потом русская. К православию принадлежали все русские писатели хотя бы в силу рождения, и из него они черпали свои художественные образы. Об этом прекрасно сказал русский философ Николай Бердяев, утверждавший, что вся русская классика «ранена христианской темой».

...В русской литературе, у великих писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира <...> Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческого личности, народа,

человечества, мира. В самых значительных своих творениях она проникнута религиозной мыслью (Николай Бердяев, «Типы религиозной мысли в России», 1944)

Этика вместо эстетики

Эта книга будет построена вокруг двух понятий: *эстетика* и *этика*. Хотя слова похожи друг на друга, означают они разное. Эстетика — наука о формах прекрасного, а этика — наука о морали и нравственности. То есть «эстетично» и «неэстетично» — это «красиво» и «некрасиво», а «этично» и «неэтично» — «правильно» и «неправильно».

Русская литература отличается от других тем, что во главу угла ставит этику, а не эстетику. Пока зарубежных писателей больше волновал вопрос, **как** это написано, русские писатели концентрировались на том, **о чем** следует сказать читателю.

В сонетах Шекспира или лирике Бодлера даже в переводе читатели восхищаются красо-

той. В романах Достоевского или Толстого этому уделяется меньше внимания. Достоевского, например, критики постоянно ловили на том, что он не видит то, что описывает. Классический пример из романа «Преступление и наказание»:

Небольшая комната, в которую прошел молодой человек, с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах, была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем. «И тогда, стало быть, так же будет солнце светить!..» — как бы невзначай мелькнуло в уме Раскольникова, и быстрым взглядом окинул он все в комнате, чтобы по возможности изучить и запомнить расположение. Но в комнате не было ничего особенного. Мебель, вся очень старая и из желтого дерева, состояла из дивана с огромною выгнутою деревянною спинкой, круглого стола овальной формы перед диваном, туалета с зеркальцем в простенке,

стульев по стенам да двух-трех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших немецких барышень с птицами в руках, — вот и вся мебель. (Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание»)

В небольшом абзаце великий писатель допускает сразу два ляпа. Во-первых, первое предложение построено так, что это «молодой человек» оказывается «с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах». Но дальше еще интереснее! В квартире старухи оказывается «круглый стол овальной формы». Когда публикатор романа М.Н. Катков обратил внимание Достоевского на этот явный и легкоустранимый ляп, автор ответил: «Оставьте так, как есть». Достоевского явно не волновали вопросы эстетики, в своем тексте он решал другие художественные задачи. Возможно, его даже радовали эти неточности: увидев явную логическую ошибку, читатель как бы спотыкается, задумывается, начинает рассуждать.

Ошибки гениев

Сергей Довлатов, рассуждая о ценности ошибок и опечаток, вспомнил еще один случай, произошедший с Гоголем (правда, он и сам допустил ошибку: словарь Даля вышел уже после смерти Николая Васильевича):

Гоголь в ранних повестях употреблял слово «щекатурка». Как-то раз Аксаков ему говорит:

— Отчего это вы пишете — «щекатурка»?

— А как надо? — спросил Гоголь.

— Штукатурка.

— Не думаю, — сказал Гоголь.

— Поглядите в словаре.

Взяли словарь Даля. Посмотрели, действительно — штукатурка.

В дальнейшем Гоголь неизменно писал — «штукатурка». Но в переизданиях это слово не исправил.

Почему?

Почему Достоевский не захотел ликвидировать явную оговорку? Почему Александр Дюма назвал свой роман «Три мушкетера», хотя их безусловно четыре?

Таких примеров сотни.

Видимо, ошибки, неточности — чем-то дороги писателю. А значит, и читателю.

Как можно исправить у Розанова: «Мы ничего такого не плакали...»?

Я бы даже опечатки исправлял лишь с ведома автора. Не говоря о пунктуации. Пунктуацию каждый автор изобретает самостоятельно.

(С.Д. Довлатов, «Наши»)

Другой классик, Лев Толстой, любил писать огромными предложениями. Такие предложения с придаточными, причастными и деепричастными оборотами называются «периодами» и иногда занимают целую страницу. Это объясняет, почему Толстого так тяжело читать: запятая, запятая, запятая — и только в конце страницы точка. Редакторы предлагали Толстому разбить периоды на три-четыре предложения. Толстой никогда не соглашался и, как Достоевский, просил оставить все как есть... То же происходило, когда редакторы предлагали Толстому разделить «кирпич» текста на абзацы.

Текст с абзацами, конечно, читать легче и приятнее. Но чтение, по мысли автора «Войны и мира», не должно быть простым. Задача произведения — задеть за живое, «пробудить в нас человека». Это точно сформулировал украинский писатель Иван Франко, вспоминая свою молодость — 1830-е годы.

...если произведения литературы европейских нам нравились, волновали наш эстетический вкус и нашу фантазию, то произведения русских мучили нас, задевали нашу совесть, пробуждали в нас человека...
(Иван Франко)

Внимание к внутреннему миру

В центре произведений русских писателей не богатство, положение в обществе или желание сделать карьеру, а *внутренний мир* человека. И велика в этом плане заслуга А.С. Пушкина. Именно Пушкин в «Евгении Онегине» задал простой вопрос: почему Онегин такой? Что происходит у героя внутри?

Говоря современным языком, Онегин — типичный мальчишка-мажор. Он молод, красив, богат и знатен. Не мог, правда, ямба от хорея отличить, но кому и когда это мешало? Как точно пишут современные критики Петр Вайль и Александр Генис, у Онегина есть тумбочка, в которую каждую ночь кто-то

кладет деньги. Его не интересует, кто это делает, он просто берет их и тратит: гуляет по Невскому проспекту, обедает в модном ресторане Talon, едет в театр, веселится до утра на балу... И вдруг Пушкин пишет:

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.

Автор задается вопросом: почему Онегин такой? Почему его не удовлетворяет та жизнь, которую люди его круга считают нормальной? Чтобы ответить на это «Почему» Пушкин и пишет роман в стихах.

Конечно, Пушкин не первый, кто поставил в центр произведения внутренний мир героя — здесь можно вспомнить, например, повесть Николая Карамзина «Бедная Лиза».

Но именно от Онегина тянутся нити к Печорину (перекличку «речных» фамилий героев отметил еще В.Г. Белинский), Рудину, Бельтову, Болконскому, Базарову — ко всем главным героям русской литературы. Пушкин как бы создал текст-матрицу, по которой писали великие русские романы XIX века. Благодаря ему русская классика получила национальное своеобразие, свой неповторимый набор героев и проблем.

Вслед за Пушкиным Николай Гоголь придал русской литературе нравственный максимализм, который потом станет основой великих произведений. Поэтому в основе известных во всем мире произведений Достоевского, Толстого и Чехова, как в айсберге, лежит огромная глыба, заложенная Пушкиным и Гоголем.

Сами классики значение Пушкина и Гоголя для литературы прекрасно понимали и никогда не оспаривали. Достоевскому приписывают известное высказывание: «Все мы вышли из рукава гоголев-

ской «Шинели»». Он же, разбирая роман Толстого «Анна Каренина», говорил, что русская литература знала только трех гениев — Ломоносова, Пушкина и Гоголя:

Бесспорных гениев, с бесспорным «новым словом» во всей литературе было всего только три: Ломоносов, Пушкин и частию Гоголь. Вся же плеяда эта (и автор «Анны Карениной» в том числе) вышла прямо из Пушкина, одного из величайших русских людей, но далеко еще не понятого и не растолкованного. (Ф.М. Достоевский, «Анна Каренина» как факт особого значения. 1877 год)

Три столпа русской литературы

Достоевский справедливо выводит всю русскую литературу «прямо из Пушкина». И это не преувеличение: именно в произведениях Пушкина впервые были заложены

и развиты три главных принципа, которые лежат в основании русской классической литературы: принципы свободной личности, историзма и универсализма.

- ▶ **Свобода личности.** Личность в произведениях Пушкина противостоит своему окружению и открыто заявляет о своих правах, главное из которых — право на счастье. Это приводит к неизбежному конфликту.

Такова коллизия во всех романтических («южных») поэмах Пушкина, такая интрига «Евгения Онегина». Три главных героя этого романа — Онегин, Татьяна и Ленский — постоянно оказываются в конфликте со средой, которая их окружает, и неизбежно терпят крах. Все они оказываются несчастны.

Пушкин показывает, что, если герой хоть немного выделяется из своего окружения, он обязательно будет несчастлив, и

потому что обществу нужны тупые пошляки и посредственности (типа Ольги Лариной или дяди Онегина, который «лет сорок с ключницей бранился, в окно смотрел и мух давил», то есть пьянствовал). Здесь с Пушкиным солидарны все великие русские писатели (кроме, пожалуй, Толстого, который сознательно создает роман-эпопею «Война и мир» со счастливыми героями): несчастен Чацкий в «Горе от ума» Грибоедова, несчастна Катерина в «Грозе» Островского, несчастен Базаров в «Отцах и детях» Тургенева, несчастен Обломов в одноименном романе Гончарова. Все они не побоялись противопоставить свои ценности ценностям среды, открыто заявили о своих ценностях и о праве на счастье.

Корни этого явления нужно искать в романтизме, наследником которого стал реализм Пушкина. Еще первые критики пушкинских произведений утверждали, что русский поэт многое позаимствовал у Байрона и других романтиков. Герой,

который ставит свои интересы выше интересов коллектива, конечно, тоже родом из романтизма. Как точно сказала французский романтик Жорж Санд, «индивидуализм — это пожирающая нас потребность счастья. Может быть, это не порок, а право каждого человека».

- ▶ **Историзм.** Вторым принципом является то, что литературные герои оказались вписаны в конкретную историческую эпоху. Так возникло понятие «современного человека», то есть человека, который отличается от людей предыдущих поколений.

Историзм тоже пришел из романтизма и появился благодаря Великой французской революции. При феодализме ощущения разных эпох не было: если твой дед был плотником, значит, им будет и твой отец, и ты. Революция перевернула все с ног на голову: Наполеон, сын мелкого юриста, стал императором

Франции. Человек ухватился за хребет истории, пришло важное для реализма понимание разности эпох.

Понятие «современный человек» опять впервые сформулировал Пушкин в «Евгении Онегине» — романе, «в котором отразился век и современный человек изображен довольно верно». А позже Михаил Лермонтов вывел современного человека в виде афористичной формулы — «Герой нашего времени». Эти открытия кажутся сегодня очевидными. Но в начале XIX века они придали русскому реализму конкретную связь со временем, в котором писалось произведение.

- ▶ **Универсализм** — концепция, согласно которой все в этом мире связано и должно находиться в гармонии. Эту идею русские классики тоже позаимствовали у романтиков. В их произведениях он обычно носил религиозно-мистический характер. Британский поэт Уильям Блейк писал:

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.

Увидеть большое в малом — вот задача, которую поставили себе русские писатели. И это привело их к важнейшему принципу — *типизации*. По классическому определению Фридриха Энгельса, «реализм обозначает <...>, кроме верности детали, верность в воспроизведении типичных характеров в типичных обстоятельствах».

В изображении типичного героя первым в русской литературе снова оказался Пушкин вместе со своим современником — Александром Грибоедовым. Появление Онегина и Чацкого говорит читателю, что в начале 1820-х годов в России возникло образованное меньшинство, которое не устраивало общество. Эти люди не скрывали свои идеи, высказывая их вслух. Именно они вышли на Сенатскую площадь в 1825 году, а потом уехали за это на рудники Сибири. Судя по Печорину,

в 1830-е годы («эпоху безвременья») появились герои, страдающие от своей ненужности, чувствующие некие «силы необъятные» и «предназначение высокое», но не знающие, куда эти силы приложить. Именно о них Лермонтов скажет:

Печально я гляжу на наше поколение!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания
и сомненья,
В бездействии состарится оно.

Чичиков стал символом дельцов, которые появились в 1840-е годы среди обедневших дворян. Они уже не могли заглянуть в «тумбочку с деньгами», как Онегин, поэтому начали сами зарабатывать деньги — в том числе с помощью всевозможных махинаций и обманов. Именно в 1840-е годы в России появляются первые ростки капитализма.

Увлечения Базарова говорят, что в 1850-е годы университетская молодежь заинтересовалась естественными науками: химией, биологией, медицинской. Теория эволюции Чарльза Дарвина, опубликованная

в 1859 году, дала мощнейший толчок для развития естественных наук во всем мире. Поэтому Базаров, который в романе Тургенева «Отцы и дети» изучает лягушек, вызывает недоумение «отцов» — Николая Петровича и Павла Петровича Кирсановых. Они учились на двадцать лет раньше, а в 1830-е годы главными науками считались гуманитарные: философия, история, литература.

Даже Раскольников можно назвать типичным героем 1860-х годов. Это не значит, что тогда студенты брали топоры и шли убивать старух. Но после отмены крепостного права в 1861 году в России бурно развивается капитализм, и в обществе усиливается расслоение: богатые становятся все богаче, а бедные — беднее. И протест Раскольникова против социальной несправедливости вполне объясним и типичен.

Русскую литературу читают во всем мире. Людям из разных стран интересно следить за персонажами, которые ищут ответы на сложные